

шающее иго своей хищности, и они стали слабеть и беднеть до того, что сделались наконец добычею диких, но свободных завоевателей⁶⁶. Они не хотели ни сражаться, ни трудиться, потому что не предоставлялось им пользоваться тем, для чего они прежде трудились и за что сражались.

Кроме несовершенства оград, которыми общество сознательно окружает то, что признает собственностью, дурные учреждения мешают и другими способами выгоднейшему употреблению производительных средств страны. В следующих отделах нашего трактата представятся случаи заметить многие из этих неудовлетворительных учреждений. Здесь довольно будет заметить, что успешность промышленности бывает пропорциональна тому размеру, в каком плоды работы достаются человеку, занимающемуся этою работою, и что благоприятность всех общественных установлений для полезной деятельности измеряется сообразно степени, в какой ведут они к тому, чтобы вознаграждение каждому за труд было по возможности пропорционально производимой им пользе. Все законы или обычаи, дающие выгоду какому-нибудь сословию или разряду людей в невыгоду другим, связывающие деятельность какой-нибудь части общества в стремлении ее к своему благу или препятствующие естественным плодам этой деятельности поступать в пользу людей, занятых ею, — все такие законы и обычаи служат нарушениями основных принципов общественного экономического расчета и ведут к тому, что при них совокупность производительных сил общества имеет меньшую производительность, чем какую имела бы без них.

Глава VIII

Сотрудничество или сочетание труда

1. Перечисляя обстоятельства, увеличивающие производительность труда, мы не коснулись одного из них, которое требует отдельного рассмотрения по своей важности и по многим спорным вопросам, из него возникающим. Это — сотрудничество или сочетание многих человеческих сил в труде. Достаточное внимание политико-экономов было до недавнего времени обращено только на одну часть этого великого пособия производству, на так называемое разделение труда; она действительно заслуживает величайшего внимания, но из-за нее забывали о других случаях и проявлениях этого многообъемлющего закона. Уэксфильд, сколько я знаю, первый заметил, что одна часть предмета ошибочно принималась тут за целый предмет, что из этого возникали вредные последствия и что под принципом разделения труда лежит другой, обнимающий его собою, более основной принцип. Он показывает (в примечании к своему изданию Адама Смита, том I, стр. 26), что сотрудничество бывает «двух разных родов: во-первых, такое, по которому разные лица помогают друг другу в одной работе; во-вторых, такое, по которому разные лица помогают друг другу, занимаясь разными трудами». Первое может быть названо простым сотрудничеством, второе — сложным.

«Выгода простого сотрудничества (говорит Уэксфильд) указывается поговоркой: «две собаки вместе поймают больше зайцев, чем четыре собаки порознь». При многих случаях простого сотрудничества людей, каждому очевидно, что двое людей, работая вместе, сделают больше четырех людей или четырехжды четырех людей, работающих каждый особо от других. Поднимающие большие тяжести, подпиливание деревьев на корню, пилака леса, уборка большого количества сена или хлеба в короткое время хорошей погоды, осушение большого пространства земли в недолгий период, в какой можно успешно вести это дело, передвижение снасти на корабле, движение больших лодок веслами, некоторые рудокопные операции, установка лесов для постройки зданий, битье камня для поправки шоссе в таком количестве, чтобы все шоссе постоянно было исправно, — во всех этих и в тысячах других про-

стных операций решительно необходимо работать многим людям в одном месте, в одно время, одним и тем же способом. Дикари Новой Голландии никогда не помогают друг другу даже в самых простейших операциях; и их положение едва ли выше, а в некоторых отношениях даже ниже состояния диких животных, которых удается им ловить. Вообразим себе, что английские работники вдруг перестали помогать друг другу в простых занятиях, и мы тотчас же поймем чрезвычайную выгоду простого сотрудничества. В бесчисленном множестве занятий продукт труда до известной степени пропорционален размеру этого взаимного пособия между работниками. Это первый шаг в улучшении общественного положения». Второй род сотрудничества тот, когда «известное число людей соединяют свой труд, чтобы произвести больше пищи, нежели нужно им самим, а другие люди соединяют свой труд, чтобы произвести больше одежды, нежели нужно им самим, и на этот излишек одежды покупают у первых работников излишек пищи; а если те и другие вместе произвели больше пищи и одежды, нежели нужно им всем вместе, они все вместе получают посредством обмена нужный капитал на занятие еще других работников еще другими делами». Через это к простому сотрудничеству прибавляется новое сотрудничество, которое Уэксфильд называет сложным. Простое сотрудничество — сочетание нескольких работников на помощь друг другу в одинаковом деле; сложное сотрудничество — сочетание нескольких работников на помощь друг другу разделением операций между ними.

«Различие между простым и сложным сотрудничеством очень важно, говорит Уэксфильд. В простом человек всегда сознает, что сотрудничает с другими, взаимное содействие тут очевидно самому невежественному и тупому взгляду. В сложном сотрудничестве только очень немногие из множества занятых им людей хотя несколько сознают, что содействуют друг другу. Причину этого различия нетрудно понять. Когда несколько человек поднимают одну тяжесть или тащат один канат в одно время и в одном месте, тут невозможно сомневаться, что они сотрудничают друг с другом: этот факт вносится в мысль простым чувством зрения. Но когда разные люди или разные собрания людей работают в разное время, в разных местах, над разными делами, их сотрудничество не так прямо замечается, как простое сотрудничество, хотя они столь же положительным образом содействуют друг другу: чтобы заметить этот факт, нужна сложная умственная операция».

При нынешнем состоянии общества разведение овец и уход за ними — дело одних людей, мытье шерсти для ее приготовления к пряже — дело других людей, прядение — дело третьих, тканье сукна из пряжи — дело четвертых, крашение сукна — дело пятых, обращение сукна в одежду — дело шестых; кроме всех этих людей нужны в разных фазах этого дела разные люди для переноски и перевозки, факторы, оптовые и розничные торговцы. Все эти люди, не зная друг о друге, без предварительного соглашения сотрудничают друг другу в производстве окончательного продукта, которым бывает уже только одежда. Но это еще далеко не все люди, сотрудничающие в этом деле: каждому из них нужна пища и нужны многие другие предметы потребления, и если бы он не был уверен, что другие люди произведут для него эти предметы, он не мог бы посвятить все свое время на одну часть в этом ряду операций, производящем только одну вещь — суконное платье. Каждый, кто участвовал в производстве пищи или постройке домов для этой цепи производителей, сочетал, хотя и бессознательно, свой труд с их трудом. Через это фактически существующее, хотя и невыраженное соглашение «разряд работников, производящий больше пищи, чем нужно ему самому, может обмениваться с другим разрядом, производящим больше одежды, нежели нужно ему самому; и если бы эти два разряда людей были разделены один от другого пространством или несогласием на обмен, если бы оба они не соединялись в сущности в один разряд для общей цели — для производства пищи и одежды в количестве, достаточном для всех их вместе, то они не могли бы разделить на две особенные части всю операцию производства достаточного для них количества пищи и одежды».

2. Разделение занятий имеет на производство влияние, более глубокое, нежели может думать читатель по обыкновенному способу изложения этого предмета. Количество каждого продукта очень сильно увеличивается не тогда только, когда производство каждой особенной вещи становится единственным или главным занятием разных людей, и мало сказать, что тут количество продукта только возрастает. Нет, без разделения занятий ровно почти никакой вещи нельзя было бы и произвести.

Предположим известное число людей или ряд семейств, которые все занимаются совершенно одним и тем же; пусть каждое семейство живет на своем собственном участке, на котором производит своим трудом пищу, нужную для своего собственного продовольствия; пусть по недостатку покупателей на излишние продукты при таком состоянии, когда все производят одинаковые продукты, каждая семья должна в своем собственном кругу производить все другие предметы, ею потребляемые. При таких условиях, если земля довольно плодородна и если население не размножается постоянно до крайних пределов продовольствия, конечно, будут некоторые домашние изделия вроде мануфактурных. Одежда для семьи будет, вероятно, тьаться в семье из пряжи, выделанной тоже в самой семье, вероятно, трудом женщин (первый шаг в разделении занятий); какое-нибудь жилище будет построено и содержимо в исправности соединенным трудом семьи. Но кроме простой пищи (и притом не совсем верной по переменчивости урожая), грубой одежды и довольно плохого жилища, семья едва ли будет производить что-нибудь. Вообще нужны будут ей величайшие усилия, чтобы произвести хотя эти предметы. Даже в добывании пищи от нивы сила семьи сдерживается в узких границах качеством орудий, которые, по необходимости, будут самого плохого рода. Произвести для себя какие-нибудь предметы удобства или роскоши семья не может: на это недостает у ней времени, и вообще для этого нужно было бы слишком часто ей ходить в разные места за материалами. Потому будет существовать очень немного разных родов производства, да и существующие роды производства (производство предметов необходимости) будут чрезвычайно неуспешны, не по одному плохому качеству орудий, но и потому, что когда земля и домашние изделия, ею поддерживаемые, удовлетворяют в некотором изобилии первым нуждам одной семьи, то мало будет побуждений получать от земли и от труда большее количество продуктов, пока число семей остается прежнее.

Но предположим случай, — он будет равняться перевороту в быте этого маленького поселения, — предположим, что прибыло в эту страну и поселилось среди ее жителей некоторое число ремесленников, снабженных инструментами и запасом пищи для себя на целый год. Эти новые поселенцы займутся тем, что станут производить предметы надобности или наряда, соответствующие вкусу неразвитого народа; пока израсходуют они свою пищу, они произведут довольно много этих предметов и будут готовы обменять их на новую пищу. Экономическое положение земледельческого населения от этого чрезвычайно переменится. Земледельцы имеют теперь возможность приобретать предметы удобства и роскоши. Вещи, которых никак не могли бы они получить, если бы снабжались только исключительно своим трудом, становятся им доступными, если только успеют они произвести лишнее количество пищи и предметов необходимости. Этим они побуждаются увеличить производительность своих промыслов. В числе лучших прежнего вещей, которые теперь стали доступны им, вероятно, находят рабочие орудия лучше прежних. Кроме того, они имеют причину работать неотступнее, придумывать и принимать средства, чтобы их труд был успешнее. Этими способами они всеобщее успеют заставить свою землю производить больше прежнего, так что кроме пищи для самих себя у них будет излишек, остающийся для новых пришельцев, и на него они будут покупать продукты этих ремесленников. Новые поселенцы составят то, что называется «рынком» для излишка земледельческих продуктов, и через их прибытие поселение обогатилось не одними только мануфактурными товарами их изделия, но кроме того еще пищей, которая не была бы произведена, если бы не было их тут для ее потребления.

Это понятие не противоречит изложенному нами (на стр. 121—127) принципу, что рынок для товаров не составляет занятия для труда. Труд земледельцев был уже снабжен занятием: возможностью содержать себя они не обязаны запросу со стороны новых пришельцев. Влияние этого запроса на них то, что он вызывает их труд к большой бодрости и успешности, возбуждает их новыми причинами к новым усилиям. Новые пришельцы также не запросу земледельцев обязаны своим содержанием и занятием; имея в запасе на год продовольствия, они могли бы занять участки подле прежних жителей и, подобно им, производить скудное количество пищи и предметов необходимости. Но мы видим, какую чрезвычайную важность для производительности труда производителей имеет существование других производителей, занятых подле них другим промыслом. Возможность обменивать продукты одного рода труда на продукты другого — такое условие, без которого почти всегда труд существовал бы в меньшем количестве. Когда открывается для какой-нибудь продукта новый рынок и когда потому производится большее количество этого товара, увеличение в его производстве не всегда получается через уменьшение других продуктов: часто оно создается вновь, бывает результатом труда, который иначе остался бы бездейственным, или бывает результатом пособия, оказываемого труду улучшениями в производстве и разными способами сотрудничества, к которым люди не прибегли бы, если бы не представлялось для них побуждения увеличить количество продукта.

3. Из этих соображений видно, что общество едва ли будет иметь производительное земледелие без большого городского населения или без единственной порядочной замены за него, без большого вывоза сельскохозяйственных продуктов за границу для иноземного населения. Я употребляю выражение «городское население» для краткости, желая просто обозначить этим неземледельческое население, которое вообще бывает собрано в городах или больших селах для сочетания труда. Уэксфильд вывел из этого в применении к теории колонизации мысль, которая возбудила большое внимание и без сомнения обратит его на себя впоследствии еще в гораздо большей степени. Это одно из тех великих практических открытий, истина которых так очевидна, что когда они раз сделаны, трудно бывает понять, какая заслуга в том, чтобы сделать их. Уэксфильд первый указал, что неудовлетворителен был обыкновенный тогдашний способ устраивать новые поселения: селить множество семей каждую на своем участке, чтобы все они занимались одним и тем же; что этот способ может, при благоприятных обстоятельствах, обеспечить поселенцам изобилие грубых вещей первой необходимости, но всегда будет неблагоприятен большому производству или быстрому возрастанию колонии. Система самого Уэксфильда состоит в том, чтобы с самого начала давалось колонии городское население в известной пропорции к сельскохозяйственному и чтобы земледельцы не были разбросаны слишком широко, чтобы отдаленность не отнимала у них выгоду иметь в этом городском населении рынок для своих продуктов⁶⁷. Принцип, на котором основан этот план, вовсе не вытекает из какой-нибудь теории о большей производительности возделывания земли большими участками посредством наемного труда. Предположим, что земля дает наибольшее количество продуктов при разделенности на мелкие участки и при возделывании землепашцами-собственниками: городское население также будет необходимо для возбуждения этих собственников к большому производству; и если они так отдалены от ближайшего центра городского населения, что не могут иметь его рынок для излишка своих продуктов, для удовлетворения другим своим потребностям через обмен, то, вообще говоря, не будет произведен ни этот излишек, ни предметы, которые бы шли в обмен за него.

Малочисленность городского населения служит главной причиной малой производительности земледелия в таких странах, как Индия. Индийское земледелие ведется все по системе малых участков, но в нем есть большое сочетание труда. Сельские учреждения и обычаи, составляющие существенную основу индийского общества, производят соединенную деятельность для тех случаев, когда она нужна; а где они не удовлетворяют этой надобности, пра-

вительство (если ведется не совсем дурно) заступает их место и на свои доходы исполняет сложный труд постройки резервуаров, плотин и других сооружений для орошения полей. Но сельскохозяйственные орудия и методы так плохи, что продуктов получается чрезвычайно мало, несмотря на большое естественное плодородие почвы и высокую благоприятность климата для растительности. Не отступая от системы возделывания мелкими участками, Индия могла бы производить пищу в изобилии для гораздо большего числа жителей, чем какое имеет теперь; но нет в ней к этому возбуждения, даваемого большим городским населением, связанным с сельскохозяйскими округами посредством легких и дешевых способов сообщения. А городское население не увеличивается оттого, что земледельцы, по своей нетребовательности, по малочисленности своих нужд (и до недавнего времени по чрезвычайной небезопасности имущества, подвергавшегося военному и правительственному хищничеству), не стремятся стать потребителями городских продуктов. При таких обстоятельствах лучший шанс скорого развития производительных средств Индии состоит в том, чтобы быстро увеличивался вывоз ее сельскохозяйственных продуктов (хлопчатой бумаги, индиго, сахару, кофе и т. д.) на европейские рынки. Производители этих товаров служат потребителями пищи, производимой другими индийскими земледельцами; при порядочной администрации открывающийся через это сбыт для излишка пищи постепенно расширит в земледельцах потребности и желания, для удовлетворения которым будут привозиться вещи из Европы или разовьется в самой Индии фабричное население.

4. Разделение занятий — такая форма сочетания труда, без которой невозможны даже первые начатки промышленной цивилизации. Но когда это разделение совершенно установилось, когда стало общим обычаем, что каждый производитель снабжает многих других людей одним товаром и снабжается от них почти всеми остальными вещами, которые сам потребляет, то причины, столь же основательные, хотя не столь рано чувствуемые, требуют дальнейшего развития того же принципа. Найдено, что производительная сила труда увеличивается по мере того, как его разделение проводится все дальше и дальше, каждый процесс производства все больше и больше раздробляется на особые части, так что на каждого работника приходится все меньшее число простых операций. Таким образом со временем возникают те замечательные случаи так называемого разделения труда, которые знакомы каждому, читающему политико-экономические книги. Пример булавочной фабрикации, представленный Адамом Смитом, так удачен, что я решаюсь выписать здесь еще раз этот отрывок, хотя он известен всем. «Процесс выделки булавок разделяется на 18 особых операций. Один человек тянет проволоку, другой прямит ее, третий режет, четвертый заостряет отрезки, пятый сплющивает их для насаживания головки; для выделки головки нужны еще две или три особые операции; насаживать головки также особое дело, белить булавки тоже особое дело; даже вкалывать их в бумагу особое дело... Я видел маленькую фабрику, на которой работало только десять человек, так что из них иным приходилось делать две или три разные операции. Но хотя они были очень бедны и потому инструменты, нужные для дела, были у них довольно плохи, они все-таки, когда работали прилежно, могли сделать все вместе около 12 фунтов булавок в день. В фунте считается больше 4 000 булавок средней величины. Итак, эти 10 человек могли сделать больше 48 000 булавок в день, — то есть можно считать, что каждый из них, исполняя десятую часть из 48 000 булавок, делал по 4 800 булавок в день. А если бы они работали врозь друг от друга, и если бы каждый из них не был бы обучен своему особенному делу, то гаверное всякий из них не сделал бы и 20 булавок в день, может быть не сделал бы ни одной»⁶⁸.

Сэ представляет еще сильнейший пример результатов разделения труда, — он взят из фабрикации игорных карт, — из промышленности, как видим, очень неважной. — «Люди, занимающиеся этим делом, говорят, что каждая карта, то есть кусочек картона величиною в ладонь, проходит до

поступления своего в продажу не менее 70 операций*, из которых каждая может быть занятием для особенных работников. И если не в каждой карточной фабрике находится 70 разрядов рабочих, это значит только, что разделение труда не доведено на них до настоящего предела, и что один работник занят двумя, тремя или четырьмя разными операциями. Влияние этого распределения занятий громадно. Я видел карточную фабрику, на которой 30 работников производили в день по 15 500 карт, то есть больше, чем по 500 карт на каждого работника; а можно думать, что если бы каждый из этих работников был принужден сам один совершать все операции, то хотя бы он был искусен в мастерстве, он едва ли сделал бы в день две карты, и 30 работников, вместо 15 500 карт, сделал бы разве 60 карт в день».

По замечанию Биббеджа («Economy of Machinery and Manufactures», 3-е издание, стр. 201), «свидетели⁶⁹ объясняли комиссии палаты общин, что производство карманных часов имеет 102 отдельные части, что мальчик может идти в ученики по каждой из них, что он выучится только этой одной части, которой ограничивается его мастер, и, кончив свое ученичество, не умеет, без нового обучения, заниматься никакою другою частью. Часовой складывальщик (watch-finisher), который занимается составлением часов из разрозненных частей, один из этих 102 человек умеет делать что-нибудь в карманных часах, кроме своего особенного дела».

5. Некоторые из причин, дающих большую успешность труду при разделении занятий, так знакомы каждому, что не требуют особенного разъяснения; но не бесполезен будет опыт перечислить все их. Адам Смит все их сводит в три элемента: «Во-первых, увеличение ловкости в каждом специальном работнике; во-вторых, сбережение времени, которое вообще теряется при переходе от одного рода работы к другому; наконец, изобретение множества машин, облегчающих и сокращающих труд, так что с ними один человек исполняет работу нескольких людей».

Из этих выгод самая явная и всеобщая — увеличение ловкости работника. Тут говорится не то, что чем чаще исполняется дело, тем лучше оно будет исполняться, — это зависит от понятливости работника и оттого, прилежно ли работает его ум вместе с руками; но во всяком случае оно будет исполняться легче. Сами органы приобретают больше крепости; мускулы от частого упражнения становятся сильнее, гибче, умственные силы более успешны в своем труде и менее чувствительны к утомлению. Что может быть исполнено легче, то имеет шанс быть исполнено лучше, и наверное будет исполнено скорее. То, что сначала делалось медленно, потом делается быстро;

* «Бумагу, из которой делаются карты, и краски, которыми они иллюминуются, готовят не те работники, которые находятся на карточной фабрике. Но обратив внимание только на выделку карт из этих материалов, мы найдем, что колода карт — результат множества операций, из которых каждую занимают особенные работники и работницы, постоянно занимающиеся одною этою операциею. Одни люди, постоянно одни и те же, счищают с бумаги соринки и узелки, от которых толщина карты была бы не везде ровна; другие склеивают три листка бумаги, из которых составляется карта, и кладут их под пресс; третьи красят ту сторону карты, которая будет крапом; четвертые оттискивают черную краску на лицевой стороне карты; пятые оттискивают на ней другие краски; шестые сушат на жаровне оттискиваемые карты; седьмые лощат их с обеих сторон. Резать карты в ровную величину особое занятие, подбирать из них колоды — тоже; оттискивать обертку для них — также особое дело, завертывать их в нее — тоже. Мы не считаем того, что опять особенные люди заняты их продажей, покупкою материалов, раслатою с работниками, ведением письменной части» (Say, Cours d'Economie politique pratique).

Замечательным доказательством экономии труда, производимой этим дробным делением занятий, служит то, что продается по ничтожной цене вещь, составляющая результат такого множества ручных операций. — *Прим., авт.*

то, что сначала делалось аккуратно только при медленности, потом делается так же аккуратно с быстротою. Это равно применяется и к умственным и к физическим операциям. Даже ребенок, когда много упражняется в сложении, слагает целую колонну числ с такою быстротою, как будто прямо, не вычисляя, видит их сумму. Говорить на своем языке, бегло читать, играть музыкальные пьесы à livre ouvert* — вот всем известные и очень замечательные примеры быстроты и легкости, приобретаемой от повторения дела; из физических действий такими примерами могут служить танцы, гимнастические упражнения, легкая и блестящая игра на фортепьяно или скрипке. В простых ручных операциях этот результат достигается еще скорее. «Быстрота, с какою производятся операции в некоторых ручных изделиях, говорит Адам Смит, превосходит все, что могли бы ожидать от человеческой руки люди, не выдавшие их**. Разумеется, эта ловкость приобретает тем скорее, чем дробнее разделение труда, и работник никогда не достигнет ее, если ему нужно совершать такое множество разных операций, что становится невозможным достаточно частое повторение каждой из них. Выгода здесь не та одна, что в результате достигается большая успешность труда, — кроме этого, уменьшается потеря времени и трата материала на обучение делу. «Некоторое количество материала, говорит Бэббедж (стр. 171), неизбежно будет невыгодно потреблено или испорчено каждым, кто учится работе, и если он учится каждому процессу, поочередно совершающемуся в деле, он каждый раз будет тратить несколько материала или отчасти изготовленного товара. Но если каждый учащийся делает эту растрату, постепенно участь каждому процессу, то количество потери будет гораздо меньше, когда каждый ограничится одним процессом». И вообще, каждый гораздо скорее научится исполнять один свой процесс, если, участь ему, не будет развлекаться необходимостью учиться другим процессам.

О второй из выгод, происходящих от разделения труда, я думаю, что Адам Смит и другие придадут ей больше значения, чем она заслуживает. Чтобы справедливо разобрать мнение Смита, я приведу его собственные слова: «Выгоды, приобретаемые сбережением времени, обыкновенно пропадающего при переходе от дела одного рода к другому, гораздо больше, чем можно полагать с первого взгляда. Невозможно в одну минуту перейти от одного дела к другому, исполняемому на другом месте и совершенно другими инструментами. Деревенский ткач, возделывающий маленькую ферму, должен терять много времени, переходя от станка на поле и с поля к станку. Когда два дела могут быть ведены в одной мастерской, потеря времени, конечно, гораздо меньше. Но и тут она очень велика. Человек вообще несколько поленился, обращаясь от одного дела к другому. При самом начале нового дела он редко бывает горяч и усерден к работе; как говорится, душа у него еще не разгорелась на работу, и несколько времени он больше бездельничает, чем работает, как должно. Привычка терять время, работать вяло и небрежно, натурально или, лучше сказать, неизбежно приобретаемая каждым деревенским рабчим, принужденным почти каждые полчаса перемывать работу и инструменты и почти каждый день братья за двадцать

* С открытого листа. — *Ред.*

** «В астрономических наблюдениях чувства астронома делаются от привычки так остры, что он может измерять промежутки времени до десятой части секунды, и устанавливать свои инструменты по делениям, которых 5 000 помещается на одном дюйме. То же самое и в самых невысоких ручных производствах. Ребенок, насаживающий головку на булавку, несколько часов сряду повторяет по несколько сот раз в каждую минуту эту операцию, требующую сложного ряда мускульных движений. Недавно в одной из манчестерских газет мы прочли, что особенный род пряжи, который называется gimр, сначала делавшийся за три шиллинга фунт, теперь делается за один пенс, и эта дешевизна произошла не от введения новых машин, как обыкновенно, а только от увеличения ловкости работников». *Edinburgh Review*, январь 1849, стр. 81. — *Прим. авт.*

разных занятий, почти всегда делает его ленивым, вялым, неспособным к энергической работе даже в самых необходимых случаях»⁷⁰. Нельзя не сказать, что это описание неуспешности деревенского труда чрезвычайно преувеличено: он успешен, когда имеет достаточные побуждения быть усердным. Мало таких работников, которые чаще садовника меняли бы работу и инструменты, — но разве садовники вообще неспособны к усердному труду? Многие из ремесленников должны делать очень большое число разных операций разными инструментами; они не исполняют этих операций с тою быстротою, как фабричный работник свою единственную операцию; но они во всех отношениях, кроме быстроты рук, более искусны в работе, чем фабричные работники, и работают гораздо энергичнее их.

Беккедж, следуя Адаму Смиту, говорит: «Когда человеческая рука или голова несколько времени занималась одною работою, она не может вдруг заняться другою с полною успешностью. Мускулы работавших членов приобрели во время прежней работы некоторую гибкость, а бездействовавшие неподвижность от отдыха; потому при каждой перемене дело идет сначала медленно и неровно. Долгая привычка производит в упражнявшихся мускулах способность переносить гораздо больше утомления, чем сколько могли бы они перенести без этой привычки. Подобный результат должен происходить и при перемене умственной работы: сначала внимание, обращаемое на новый предмет, не так полно, как после некоторого времени занятия им. Употребление разных инструментов при разных операциях одного дела — другая причина потери времени при переходе от одной операции к другой. Если эти инструменты просты и перемены не часты, потеря не велика; но во многих производствах инструменты очень нежны, требуют аккуратного приспособления, установки каждый раз, как употребляются в дело, и во многих случаях время, нужное для установки инструмента, значительно по сравнению с временем работы им. Таковы: подвижная подпорка (sliding rest), делительная и пробивная машина (the dividing and the drilling engine). От этого, если фабрика достаточно велика, оказывается выгодным держать каждую машину постоянно за одним делом; например, винтовая машина, имеющая спиральное движение по всему ложу подвижной подпорки, постоянно употребляется только на делание цилиндров; другая, с уравнивающим движением только на шлифовку поверхностей ребрами, а третья только на резание колес».

Я вовсе не говорю, чтобы эти соображения были ничтожны, но думаю, что напрасно забывать о соображениях противоположного характера. Если известный мускульный или умственный труд различен от другого, он по самому своему уже служит до некоторой степени отдыхом от него; и если во втором деле не сразу получается полная энергия, то и первого нельзя было бы продолжать больше известного времени без некоторого ослабления энергии. Житейский опыт каждому показывает, что перемена занятия часто доставляет отдых, когда без перемены необходимо было бы для отдыха совершенное бездействие; что человек, поочередно меняя дело, может работать без утомления несколькими часами дольше, чем когда бы оставался при одном деле. Над разными делами работают разные мускулы или разные умственные способности, из которых одни отдыхают и освежаются, пока работают другие. Физический труд сам по себе уже отдых от умственного, и наоборот. Разнообразие само по себе уже имеет освежающее действие на качество, которое мы, за недостатком более точного термина, назовем бодростью духа, — качество столь важное для успешности всякого труда, не исключительно машинального, но лишнее важности и для чисто машинального труда. Эти соображения имеют неодинаковую важность по применению к людям разных характеров; некоторые люди способнее других к упорному труду за одним делом без перемены и менее способны к перемене дела; им, по разговоруному выражению, нужно больше времени на то, чтобы расхотелась у них рука; начальная вялость в работе у них продолжительнее, больше нужно им времени, чтобы вполне одушевились на дело их способности, а когда они одушевятся, они уж не скоро бросают дело, работают

безостановочно, даже до вреда здоровью. Тут нужно брать в соображение темперамент. Есть люди, которые, кажется, уже от самой природы таковы, что способности у них разыгрываются медленно, работают слабо, пока не разгорячатся долгою работою. У других, наоборот, способности разыгрываются быстро, но не могут без изнурения действовать долго. Впрочем, и тут, как почти везде, привычка гораздо важнее врожденных различий, хотя есть и врожденные различия. Привычка быстро переходить от одного занятия к другому, подобно всякой привычке, может быть приобретаема ранним упражнением; а когда она приобретена, то уже вовсе нет при переходах от одного занятия к другому того бездельничанья, о котором говорит Адам Смит, нет ослабления энергии и усердия, — напротив, работник берется за каждую новую часть работы со свежестью и бодростью, которых не сохранил бы (кроме разве случаев необычайно разогревшегося жара к работе), оставаясь при одной части дела дольше, чем привык. Женщины (по крайней мере при нынешнем своем общественном положении) вообще гораздо живее мужчин переходят от мысли к мысли, от дела к делу; и вопрос этот служит одним из множества примеров того, как мало принимались до сих пор в расчет опыт и понятия женщин при составлении мнений. Мало найдется женщин, которые не отвергли бы мысль, что работа становится энергична от продолжительности и что успешность работы на время ослабляется переменою дела. Но и в этом случае разница кажется мне происходящею гораздо больше от привычки, чем от натуры. Из десяти мужчин девятеро занимаются каждый одним специальным делом, а из десяти женщин девять занимаются каждая множеством разных дел, из которых всякое требует очень мало времени. Женщины постоянной надобности приучились живо переходить от одного материального занятия, а еще больше от одного умственного занятия к другому, потому перемена почти никогда не соединена у них с затруднением или потерей времени; а занятие мужчины состоит обыкновенно в долгой и постоянной работе над одною вещью или над очень небольшою числом вещей. Но иногда бывает наоборот; тогда и характеры становятся противоположны общему правилу. Женщины оказываются не менее мужчин способны к однообразию фабричной работы, — иначе не брали бы на фабрики такое множество женщин; а мужчина, привыкший заниматься множеством разных дел, вовсе не становится вялым и ленивым существом, о каком говорит Адам Смит, напротив, бывает замечательно жив и деятелен. Но правда, что перемена занятий может быть чрезмерно частою даже для самого живого человека. Бесперывная переменчивость еще утомительнее постоянного однообразия.

Третья выгода, приписываемая Адамом Смитом разделению труда, действительно существует в некоторой степени. Изобретения, сберегающие труд в известной операции, могут скорее быть придуманы человеком, у которого мысли сильно обращены на это дело и постоянно им заняты. Не так скоро сделает усовершенствование в каком-нибудь деле человек, внимание которого сильно развлечено другими делами. Но и тут общее развитие сообразительности и привычка к умственной деятельности гораздо важнее исключительности занятия; и если исключительность доводится до степени, неблагоприятной умственному развитию, тут будет больше проигрыша, чем выигрыша, для придумывания улучшений. Можно прибавить, что от какой бы причины ни делались изобретения, но когда сделано изобретение, то увеличением успешности труда мы обязаны самому изобретению, а не разделению труда.

Величайшая (после ловкости работника) выгода, получаемая нынею фабричною промышленностью от дробного разделения труда, не упомянута у Адама Смита, но замечена Бембеджем; она состоит в том, что труд распределяется экономичнее через классификацию работников по их способностям. Разные части в одном ряду операций требуют не одинаковой степени ловкости и физической силы; люди, у которых достает ловкости на самые затруднительные или достает силы на самые тяжелые части труда, становятся гораздо полезнее, когда занимаются одними этими частями и ко-

гда те части, к которым пригоден каждый, оставляются людям, неспособным к другим частям. Производство успешнее всего тогда, когда употребляется на него именно такое, а не большее количество ловкости и силы, какое нужно на каждую часть процесса. Производство булавок, конечно, требует в разных своих частях очень разных степеней ловкости, так что плата разным работникам и работницам этого производства от $4\frac{1}{2}$ пенсов (12 копеек) в день доходит до 6 шиллингов (2-х рублей); и если бы работник, получающий по 6 шиллингов, должен был производить весь процесс, он часть своего времени работал бы с потерей, равняющейся в день разнице между 6 шиллингами и $4\frac{1}{2}$ пенсами. Не считая потери в количестве производимого продукта и полагая даже, что этот работник сделал бы фунт булавок в то время, в какое десять работников, соединяя свой труд, делают десять фунтов, Беббедж вычисляет, что выделка булавок без разделением труда стоила бы в $\frac{3}{4}$ раза больших издержек, чем теперь, с разделением труда. В выделке иголок, прибавляет он, разница была бы еще больше, потому что в этом производстве норма вознаграждения за разные части выделки идет от 6 пенсов (16-ти коп.) до 20 шиллингов (6 руб. 50 коп.) в день.

К выгоде, состоящей в получении наибольшего количества полезности из данного количества ловкости, можно прибавить другую подобную ей выгоду, состоящую в том, что извлекается наибольшая полезность из инструментов. Если бы, говорит Рс в своей замечательной книге (Statement of some New Principles on the Subject of Political Economy, by John Rae. Boston U. S. стр. 164), у одного человека были все инструменты, нужные для нескольких разных занятий, то по крайней мере три четверти из них постоянно лежали бы без употребления и без пользы. Из этого ясно, что если бы существовало общество, в котором каждый человек имел бы все эти инструменты и поочередно занимался бы всеми этими работами, то членам общества выгодно было бы, если только можно, разделить между собою эти инструменты и каждому ограничиться одним особым занятием. Выгоды от такой перемены велики для всего общества, стало быть, и для каждого отдельного человека. Во-первых, разные орудия, будучи в постоянном употреблении, дают лучшую выручку за расход, сделанный на их приобретение. Во-вторых, по этому самому владельцы могут иметь их в лучшем качестве и в большей полноте. Результат обоих этих обстоятельств тот, что делается большой запас на будущие потребности всего общества.

б. Степень разделения труда, как замечали все писавшие о ней, определяется размером рынка. Если при разделении булавочного производства на десять разных занятий можно делать в день 48 000 булавок, это разделение будет выгодно только в том случае, когда число покупателей таково, что они каждый день требуют около 48 000 булавок. Если спрос есть только на 24 000, разделение труда с выгодой может быть доведено только до той степени, на которой ежедневно будет производить эту меньшую цифру. Вот теперь мы видим еще новый путь, которым увеличение спроса на товар ведет к увеличению успешности труда, занятого производством товара. Размер рынка может быть тесен от разных причин: от слишком малого числа населения; от чрезмерной раздробленности и отдаленности населения, так что доступ к нему труден; от недостатка сухопутных и водяных путей сообщения; наконец, от бедности населения, то есть от того, что совокупный труд населения слишком неуспешен, так что не допускает большого потребления. Потому вялость, искусство и недостаток сочетания в труде у людей, которые были бы покупателями товара, ограничивают практически достижимую степень сочетания труда у производителей товара. В раннем фазисе цивилизации, когда спрос данной местности был по необходимости мал, промышленность процветала только в тех местах, которые, владея морем или судоходною рекою, могли иметь рынок для своих продуктов целый мир или все страны, лежащие по морю или по судоходной реке. Возрастание общего богатства на земном шаре ведет к увеличению производительности труда у каждой отдельной нации, когда

сопровождается свободой торговых сношений, улучшениями водяных средств сообщения и сухопутных дорог через проведение шоссе, каналов и железных дорог: через это каждая местность получает возможность снабжать своими специальными продуктами рынок, до того увеличивающийся, что обыкновенным результатом для производства бывает большое расширение разделения труда.

Степень разделения труда во многих случаях зависит также от характера самого труда. Например, земледелие неспособно к такому большому разделению занятий, как многие отрасли фабричного дела, потому что разные операции земледелия не могут быть ведены одновременно. Нельзя одному человеку всегда пахать, другому сеять, третьему жать. Работник, исполняющий только одну какую-нибудь земледельческую операцию, оставался бы праздным одиннадцать месяцев в год. Один человек может постепенно исполнять все эти операции, и все-таки почти во всяком климате будет у него оставаться много незанятого времени. Чтобы произвести значительное усовершенствование в земледелии, часто бывает нужно, чтобы трудились вместе много работников. Но кроме немногих людей, занятых общим надзором за делом, все остальные работники делают тут одно и то же. Канал или насыпь для железной дороги нельзя сделать без сочетания множества работников, но, кроме инженера с несколькими бухгалтерами и письмоводителями, все они землекопы.